

РОССИЯ – МИР СЛАВЯНСКИЙ¹

1.

Замечательное явление представляет нам современная европейская действительность. Недалеко то время, когда князь Меттерних² в одной из неизданных своих заметок 30-х годов, указывая с своей точки зрения на опасности современного состояния умов Европы, с ужасом замечал исчезновение чувства патриотизма, привязанности к своей родине и ее прошедшему, распространении космополитизма, безразличного равнодушия общества ко внешней политике правительств, полного их нежелания охранять или оберегать единство и целостность своих государств. Современный Меттерних сказал бы теперь совершенно другое. Нынешний европейский либерализм кажется враждебнее самого Меттерниха относится к космополитическим идеям и опирается на самые тонкие исторические и этнографические изыскания. Правительства умеряют воинственный пыл своих подданных к расширению своих территорий, к усилению войска и флота. Пламенные желания либералов в Италии, ускорение похода на Рим и Венецию, в Германии усиление флота, приобретение Шлезвига, Киля и вообще увеличение береговой линии не только на западе, но и на востоке, в королевстве Греческом приобретение Ионических островов, Фессалии, даже Константинополя. Есть патриоты в Бельгии, Италии, Швеции, Венгрии и т. д., которые предлагают более или менее любопытные проекты о необходимости новых территориальных приобретений, о расширении нынешних или восстановлении прежних пределов, названия *народа* и *нации*. Не каждый народ может быть нацией³. *Самоеды, лопари, мордва, зыряне*

¹ ПФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр.118.

² Меттерних Клемент Венцель Лотар фон (1773–1859) – австрийский государственный деятель, дипломат, министр.

³ В архиве РАН хранится еще одна рукопись В.И. Ламанского «Проекты славянских федераций» местами совпадающая со статьей «Россия – мир славянский». Ряд фрагментов этой статьи дополняет точку зрения В.И. Ламанского. В частности, он пишет следующее: «Собственно говоря, теперь только три державы в Европе, в которых общество и народ наименее мечтает о завоеваниях и наиболее доволен своим географическими пределами. Это три первоклассные державы, справедливо также называемые всемирными (Universal), ибо их поприще деятельности не ограничивается одною Европою, служит представителям трех господствующих исторических племен Европы – Франция Романского, Англия Германского и Россия – Славянского. Действительно, эти три нации, при всех недостатках и пороках их государственного устройст-

не могут быть названы нациями, ибо собственно только при двух условиях народ может быть нацией – общем литературном языке, органом общей образованности и своим самостоятельным государством. При одном из этих условий не трудно приобрести и другое. Так, достигши государственного единства, Франция, Англия, Россия образовали себе общий литературный язык, так образовавши себе последний, итальянцы, немцы стремятся к единству государственному¹. Мелкие поли-

ва, общественного быта, духовного просвещения, все же по всей справедливости могут быть названы наиболее счастливыми между своими соплеменниками. Два великие народа, Романский и Германский, Итальянцы и Немцы, находятся сравнительно в положении довольно несчастливом, ибо лишены одного из главнейших условий, необходимых в жизни каждой нации. В нашем языке не довольно строго различаются понятия народности и собственно народа, нации. В избежание недоразумений принимаем названия народа и нации. Не каждая народность есть или может быть нацией. Никто не станет отрицать народностей *Самоедов, Лопарей, Карелов, Зырян, Бурят, Черемис, Мордвы* и т. д., но все эти народы не составляют самостоятельных наций, а принадлежат к нации Русской, точно также как Баски во Франции или остатки Кельтов в Англии, по народности не Французы и не Англичане, принадлежат к Французской и Английской нациям». (*Ламанский В.И.* Проекты славянских федераций. СПбФА РАН. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 110. Л. 2 об.).

¹ «С обработанным и общим литературным языком, с богатой всемирной образованностью, сильные числом и географическим положением, Итальянцы без Рима и Венеции, Немцы с своим нынешним союзным устройством, связаны по рукам и ногам, лишены всех средств принимать живое, деятельное участие в мировых событиях. Немцы беспрестанно с завистью указывают на пример России, которая при своей скудной образованности, при своей сравнительно ничтожной литературе, ничем гораздо более, нежели ученая, развитая Германия, и голосу и значения во всех обще-Европейских и даже всемирных вопросов практической важности. Как относительно не бедна наша Русская литература, однако ее существование уже обеспечено и ее дальнейшее блестящее развитие не подлежит ни малейшему сомнению, следовательно, Россия находится в положении гораздо более выгодном, нежели Италия, Германия, ибо она все-таки обладает обоими условиями необходимыми для свободного развития каждой могучей национальности. Но в сравнении с Францией и Англией положение России далеко не так благоприятно; это обстоятельство особенно заставляет нас, русских, еще гораздо более, чем французов и англичан, обращать преимущественное, почти исключительное внимание на наше внутреннее развитие, духовное и материальное, и удалиться от всяких воинственных соблазнов. Тихий, миролюбивый, всего менее военный, хотя сильный и отважный характер русского народа, голос которого отныне все более будет слышаться в нашей истории и громадность предстоящих наших внутренних завоеваний всего лучше доказывают, что мысль о каких-нибудь внешних завоеваниях не только не может в России найти никакого сочувствия, но и встретит решительное сопротивление.

Мы уже видели на примере России сравнительно с Францией и Англией, что положение славянского племени гораздо не благоприятнее положения романского и германского племени, но оно еще тяжелее, печальнее и жалостнее, если сравнить положение славянского племени вне России с положением романского и германского племени вне Франции и Англии. Правда их 23 миллиона душ, занимают они огромное пространство, почти от Данцига до Солуна и Константинополя, по большей части населяют земли плодородные и богатые, весьма выгодные в географическом положении, им равно доступны три моря, Черное, Архипелаг и Адриатика, открывающие им свободный путь в Малую Азию и Африку, но не смотря на это положение этих 23 миллиона славян ниже всякого сравнения с положением какой бы то ни было народности романской

тические организмы обречены на вечное бессилие, на безучастие в общей мировой жизни человечества, всегда подвержены опасности быть поглощенными сильным соседним государственным организмом, которому они служат как бы прихвостнем. Народности единоплеменные, довольствующиеся своими местными, провинциальными литературами, обличают свою юность до строго мышления, до мужественного сознания необходимости подчинять своей мысли все окружающее, вырабатывать свои собственные понятия и распространять их между другими народами. Когда единоплеменные народности лишены общего литературного языка, то в них нет ни школы, ни науки, ни философии, а без них самая даровитая народность не может приобрести всемирно-исторического значения. Без общего литературного языка само существование народностей очень шатко, особенно таких как славянские, которые даже внешним образом подчинены чужим образованным народностям, следовательно, с богатою литературою и общим языком, например, греческой, итальянской и особенно немецкой. Пока славянские народности не выработают себе или не примут общего литературного языка, до тех пор они вечно будут в умственной опеке немцев. Представьте себе микроскопический народец в 100 тысяч душ – сербо-лужичан, имеющий свою народную словесность. Понятно, что на своем языке сербо-лужицкие писатели могут издавать календари, словари, народные песни, стихи, но не могут печатать чисто-ученых изысканий. По отсутствию общего литературного славянского языка свои ученые труды, заслуживающие всеобщей известности, они принуждены теперь писать по-немецки. Так для славянства пропадают частные силы и дарования. Представьте себе, какой страшный шаг назад сделала бы теперь русская национальность, если бы, например, новгородцы, пермяки, рязанцы захотели бы иметь свою литературу, обрабатывать

или германской. Все они разделены между четырьмя чужими государствами, Пруссиию, Саксонию, Австрию и Турцию, только один миллион из них в княжестве Сербии обладает внутреннею независимостью, семь миллионов их в Турции подвержено самому постыдному рабству, остальные 15 миллионов пользуются личными правами, как поданные трех немецких государств, но в своей народной индивидуальности или вовсе не обеспечены или так мало, что вся их общественная жизнь, все силы их передовых деятелей можно сказать истощаются в ежедневной и далеко не совсем успешной борьбе за народность против германизма, итальянизма в Истрии и Далмации и даже мадьяризма в Венгрии. Кажущаяся сила этих 23 миллионов способного, даровитого племени при ближайшем рассмотрении теряет всякую значимость, ибо они составляют не один народ, а целых восемь отдельных народностей, из которых каждая исповедует разные веры, имеет свою особую словесность, гордится чрезмерно своею местною историею и мало уважает, чтобы не сказать более, другую ближайшую, родственную народность». (Там же. Л. 2 об., 3, 3 об.).

свое местное наречие. Зачем нам, сказали бы они, употреблять чужое московское наречие, у нас есть свой прекрасный язык новгородский, пермский, рязанский, имеющий свои особенности, существующий очень давно. Москва нас обижала в период уделов, мы не хотим подчиняться ей. Предположим, например, что наши малороссияне в один прекрасный день объявили, что не хотят писать по-московски, а желают писать *по-украински*. У нас есть Артемовский¹, Осполнененко, Шевченко² и Марко Вовчок³, будут и свои украинские Ньютоны, Канты, Лапласы. Как ни одна порядочная литература не может, например, обходиться без переводов ученых иностранных сочинений, то, преследуя мысль об украинской литературе, жители губерний Киевской, Полтавы, Черниговской, Волынской, Подольской начинают теперь трудиться над переводами на украинский язык многотомных сочинений Гумбольдта⁴, Риттера⁵, Шлоссера⁶, Ранке⁷, Маколея⁸ и т. д. Все это без сомнения и смешно и нелепо, также как если бы шотландец, неаполетанец, шваб, северный немец стали бы переводить на *свои украинские языки* иностранные сочинения, уже переведенные на их общий литературный язык. А разве не также, например, смешно и нелепо, если бы тоже самое стали делать сербы и болгары. Правда, в настоящее время они еще не сознают потребности в переводах таких авторов, как Гумбольдт, Риттер и др., но ведь если сербам и болгарам суждено жить и развиваться, то не могут же они обойтись без подобных переводов. Попытайтесь, однако, заявить такую мысль образованному болгарину или сербу и вы узнаете, что такое местный славянский патриотизм. Как, скажут они вам, нам принять ваш литературный язык, да ведь это в высшей степени обидно и оскорбительно! Действительно, еще кажется много лет пройдет, пока образованные сербы и болгары сознают, что для их народности пи-

¹ Гулак-Артемовский Петр Петрович (1790–1865) – украинский поэт.

² Шевченко Тарас Григорьевич (1814–1861) – выдающийся украинский поэт и художник.

³ Марко Вовчок (литер. псевд. Марии Александровны Вилинской, по первому мужу – Маркович, по второму – Лобач-Жученко; 1833–1907) – украинская и русская писательница и поэтесса, переводчица.

⁴ Гумбольдт Александр фон (1769–1859) – немецкий ученый-энциклопедист, физик, метеоролог, географ, ботаник, зоолог.

⁵ Риттер Карл (1779–1859) – немецкий географ, один из основоположников современной западной географии.

⁶ Шлоссер Фридрих Кристоф (1776–1861) – немецкий историк, профессор Гейдельбергского университета (с 1817).

⁷ Ранке Леопольд фон (1795–1886) – немецкий историк, представитель историзма, разработал методологию современно историографии.

⁸ Маколей Томас Бабингтон (1800–1859) – лорд, английский писатель, историк, политический деятель.

сать по-русски сочинения, заслуживающие всеобщей известности, также оскорбительно, как оскорбительно для северных немцев или для швабов, что Кант и Гегель писали не на plattdeutsch и не по-швабски.

Нет, итальянцы и немцы гораздо скорее нас, славян, достигнут единства и самобытности. Как одно из ярких доказательств нашей незрелости – непонимание тех опасностей, которые предстоят ученому развитию славянского племени с утверждением единства итальянского и немецкого. Национальные силы их удесятерятся, материальная и умственная производительность возрастет в необычайных размерах. Что тогда представят им в отпор различные народы и народцы славянские с одними своими *украинскими* литературами, лишенные войска, флота, финансов? Славянская история могла бы, кажется, научить, что единая сильная Италия и единая сильная Германия не станут заботиться, не имеют в том никакого интереса, о том, как бы сплотить славян южных и западных, даровать им полную независимость. Независимость славян? От кого? От северного колосса! Но что в нем и смущает их, т. е. Италию и Германию и вообще романо-германские племена, как не то обстоятельство, что русский народ – единственный народ славянский, смогший и сумевший создать сильное государство. Слова Кавура¹ о значении Дунайских княжеств позволяют догадываться о будущих отношениях единой сильной Италии к народностям славянским. Где ваше ручательство, что с приобретением Венеции откажется Италия от ее прежних прав и видов на Далмацию, где и теперь не бессильна слабая числом стихия итальянская, а тогда будет покровительствуема сильною державою? На Италии лежит прямой долг и священная обязанность всячески помогать и содействовать итальянскому элементу в Истрии и Далмации. Чем отбиваться славянам, как им избежать неминуемой зависимости от Италии, которая уже прежде царила на Леванте? Обратятся ли хорваты за помощью к мадьярам? Но разве мадьярские цели и стремления совершенно совпадают со славянскими? Трудно разве предвидеть, что по вопросу славянскому обоюдные выгоды заставят сойтись мадьяр и итальянцев? Обратятся ли хорваты за помощью к Франции и ценою дорогих уступок купят ее участие? Но в состоянии ли она вытеснить итальянское влияние? Из-за че-

¹ Кавур Камилло Бенсо (1810–1861) – граф, итальянский государственный деятель и дипломат. Премьер-министр Сардинского королевства (1852–1861, кроме 1859). Глава правительства объединенного Итальянского королевства (1861). Сыграл важную роль в процессе объединения Италии путем династических и дипломатических сделок.

го, как не из собственных выгод, станет она хлопотать за славян? Что приобретут они, подпавши новому влиянию французскому? Обратятся ли хорваты за помощью к немцам? Единая, сильная Германия, без сомнения, не будет равнодушно относиться к ним, но только потому, что еще долго не откажется от своих смелых замыслов и притязаний, высказанных еще Меттернихом и полнее развитых Бруком¹, замыслов о соединении Австрии с Германиею, Бельгией, Голландиею в одном союзе.

[...]

Сербского княжества мы нисколько не жалели, ибо оно не только законно, необходимо, но даже и в высшей степени полезно, пока миллионы турецких славян находятся в самом постыдном рабстве. Положение же сербов в Австрии до последнего времени было слишком печально для того, чтобы и у них могла явиться богатая умственная и литературная деятельность. Итак, болгарские патриоты, в свою очередь, совершенно правы, всячески отвергая предложения о принятии сербского языка орудием своей образованности.

[...]

некоторая любовь к свободе. Все наоборот у этих полуазиатов москалей, безнравственность жизни семейной, коммунистический быт, направление эмпирико-скептическое и материальное, тупое азиатское послушание и полная апатия к идее свободы. Москали, по своей азиатской натуре, мечтают только о захватах, о завоеваниях, о всемирном господстве. Так, избегайте с ними сближения и общения, оно несет вам смерть. Москва – коренной враг славянства, надежды на Москву грозят ему верною гибелью. Таковы все подобные мнения, распространяемые у южных славян врагами русского народа и поборниками католицизма.

Нисколько не сочувствуя таким мнениям, мы радуемся, однако, такой разработке самосознания южного славянства, хотя и сознаем если не опасности, то все трудности предстоящей ему умственной работы и борьбы. Едва оно вышло из состояния непосредственности, как целый мир новых представлений и понятий, вопросов теснится перед юным самосознанием. Мы, русские, или, если угодно, москали, могли бы преда-

¹ Возможно, речь идет об английском политическом деятеле, основателем династии Белых Раджей в Сараваке Джеймсе Бруке (1803–1868).

ваться печали и отчаянию. Отчуждение южных славян от русских или, если угодно, москалей, нанесло бы нам глубокие раны. В том нет никакого сомнения. Но мы, как заметили, не предаемся печали и отчаянию, потому что верим в народные силы южных славян. Им советуют и внушают удалиться [от] нас, избегать общения, не завязывать с нами никаких близких сношений и в то же время им налагают, им предписывают глядеть на нас, думать [о] нас так, а не иначе. Им обещают внешнюю независимость и в то же время куют для них новые цепи умственного рабства. Глядите на этот предмет, думайте о нем, как мы велим, но не старайтесь, не смейте изучать его сами, не дерзайте проверять нас, сомневаться в наших словах, относиться к ним критически. Если южному славянству суждено развитие, будущее, если оно богато силами, то мы, русские, не только не можем не радоваться при виде подобных посторонних о нас внушений, но, напротив того, должны желать, чтобы неотвязчиво носились перед пробуждаемым сознанием южных славян. Пусть подобные мнения о нашем народе не остаются только достоянием отдельных кружков южно-славянских патриотов, пусть, напротив того, проникают они все глубже и шире в народные массы. Они, слава Богу, не страдают истощением сил, не вымирают, а, напротив, полные жизни, готовы выступить на историческое поприще. Выбившись из внешнего рабства, они не преклонят головы под умственное иго, после долгих потемок невежества они жаждут света истины, томятся желанием все знать, все испытать, все проверить. Итак, первым поводом пробуждения самосознания южных славян будет не отчуждение от России, а сближение и общение с нею с целью узнать побольше наш народ, сличить и проверить все эти толки и мнения, распускаемые о нем некоторыми лицами из западных славян и большинством деятелей Романо-германского мира. Россия становится для южных славян запрещенным плодом знания. Им представляется выбор одного из двух путей – умственного рабства и отчуждения от России, свободного духовного развития и общения с Россией, знакомства с нашим языком и народом. Мы, русские, или москали, не говорим южным славянам бежать Запада, избегать с ним общения.